

ИСТОК

Елизавета Шишкина

Елизавета Шишкина

Исток

<https://litres.ru/74139023>

SelfPub; 2026

Аннотация

Норидж, 1665 год. Чума на подступах, город задыхается от страха. Но самое страшное происходит не на улицах — в детских спальнях.

Констебль Томас Грейвс ищет пропавших детей. Вместо следов он находит засохшие веточки полыни на подоконниках и странные знаки, вырезанные на коже мёртвых тел. Дети не просто исчезают — их уводят. И учат.

Учитель — бывший солдат Саймон Тэттерсолл, потерявший сына и нашедший новую цель. Он не маньяк. Он — отец, который решил дать «отмеченным» детям силу. Даже если это означает научить их убивать.

«Исток» — это история о том, как взрослые создают монстров, а потом удивляются, почему те не хотят возвращаться домой. Жёсткий исторический триллер о выборе, преданности и тонкой грани между спасением и разрушением.

Здесь не будет чудес. Здесь будут дети. С ножами.

Содержание

Глава 1. Здесь	4
Глава 2. Утро на Уайфайр	7
Глава 3. Мировой судья	13
Глава 4. Писарь	18
Глава 5. Болото	23
Глава 6. Первая кровь	32
Глава 7. Облава	37
Глава 8. Травница	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Елизавета Шишкина

Исток

Глава 1. Здесь

Норидж сегодня — это город, который забыл, что когда-то умел бояться.

Туристы бредут по Элм-Хилл с бумажными стаканчиками кофе и щёлкают телефонами. «Вот это, — говорит гид, указывая на кривую мощёную улочку, — одна из лучших сохранившихся средневековых улиц в Британии». Все послушно фотографируют. Кто-то делает селфи на фоне вывески паба «Адам и Ева» — тот самый, что открылся в 1249 году и до сих пор наливает эль. Экскурсовод улыбается и шутит про английские традиции. Никто не знает, что виселицы для ведьм стояли в двух кварталах отсюда.

Нориджский собор возвышается над городом, как всегда. Его шпиль — второй по высоте в Англии — виден из любой точки. Сегодня там органнй концерт. Билеты проданы за месяц. Внутри пахнет ладаном и старым камнем. Экскурсовод показывает готические своды и рассказывает, что строительство началось в 1096 году при епископе Герберте де Лозинге. Она не говорит, что в подвалах собора в семнадцатом веке держали «ведьм» перед судом. Там сыро, темно и до сих

пор водятся крысы, но это не для туристических буклетов.

На Рыночной площади — самой большой в Англии среди крытых рынков — торгуют сырами, овощами и вьетнамским фастфудом. Мальчишка лет двенадцати в кепке навывкате продаёт пончики с корицей. Его мать перекрикивает шум через плечо: «Не отходи далеко!» Он отмахивается и бежит к фонтану. Площадь живёт своей обычной жизнью: кто-то торгуется за фунт клубники, кто-то пьёт чай из термоса, кто-то читает «Eastern Daily Press» на скамейке у Зала Справедливости.

Никто не обращает внимания на пожилую женщину, которая сидит на той самой скамейке. Она смотрит на шпиль собора и перебирает в пальцах засохшую веточку полыни. На ней старый твидовый жакет, потрёпанный, но чистый. Рядом — полиэтиленовый пакет с продуктами из «Tesco».

— Вы здесь живёте? — спрашивает её турист с рюкзаком, кивая на старые фахверковые дома за спиной.

— Здесь, — отвечает женщина. — Всю жизнь.

— И как тут, ничего?

Она смотрит на свои руки. На морщины. На веточку, которую никто из прохожих не замечает.

— Здесь всегда было тихо, — говорит она. — Если не знать, куда смотреть.

Турист ждёт продолжения, но женщина замолкает. Встаёт, поправляет платок, уходит в переулок Гусиное Перо — такой узкий, что солнце никогда не касается мостовой. Сте-

ны по бокам покрыты мхом и копотью веков. В переулке всегда пахнет сыростью и почему-то апельсинами — хотя апельсиновых деревьев здесь нет и никогда не было.

Турист пожимает плечами и достаёт телефон — сделать селфи на фоне собора. Получается отлично. Он ставит хэштег #norwich и идёт дальше, в сторону замка, где сейчас выставка викторианских костюмов.

В переулке Гусиное Перо в это время кто-то открывает окно на втором этаже.

То самое окно.

Окно, которое выходило из детской комнаты почти четырёста лет назад. Окно тихо скрипит и замирает, приоткрытое ровно настолько, чтобы пролез ребёнок. Скрип слышен только старухе, которая уже завернула за угол, и бездомному коту, который дремлет на мусорном баке. Больше никому.

Внутри дома теперь элитная кофейня с венскими стульями и портативной эспрессо-машиной. Бариста протирает стойку и не видит окно — оно на втором этаже, там теперь склад с кофейными зёрнами и старыми меню.

Но подоконник тот же. Камень, потёртый временем, с выщербленным краем.

И на нём — свежая зелёная веточка полыни.

Глава 2. Утро на Уайфайр

В тот вторник, когда всё началось, констебль Томас Грейвс брился перед осколком зеркала и думал о том, что свиньи в этом году будут тощими.

Маргарет ворчала на кухне. Она всегда ворчала по утрам, но сегодня особенно — прошлой ночью крысы объели половину окорока, подвешенного под потолком, и теперь придётся объясняться с мясником Хейвордом, который и так не любил Грейвса с тех пор, как тот оштрафовал его на шиллинг за драку в таверне.

— Томас, — голос жены доносился из-за закопчённой перегородки. — Ты слышал, что говорят у колодца?

— Всегда что-то говорят, — ответил Грейвс, проводя лезвием по щеке. Бритва была тупой, и каждое движение отдавалось лёгкой болью. Надо было отдать её точильщику вчера, но вчера он возился с прохудившейся крышей амбара.

— Говорят, дочь Хауарда не вернулась домой.

Грейвс опустил бритву.

— Элли? Малышка Элли?

— Ей девять лет, она не малышка, — поправила Маргарет с тем особым прищуром, который означал «ты бы тоже волновался, если б речь шла о нашей дочери». — Ушла вчера за хлебом к пекарю на Беддингем-лейн и не вернулась. Джон Хауард обыскал всю улицу до темноты. Никто не видел.

Грейвс молча вытер лицо грязным полотенцем. В его обязанности констебля входило многое: следить за порядком на рынке, проверять меры весов у торговцев, разнимать пьяных, а иногда — искать пропавших. Но дети обычно находились. Они терялись на ярмарках, засыпали в амбарах, убежали к реке ловить лягушек. К утру объявлялись — голодные, перепачканные, но живые.

— Может, ночевала у подруги, — сказал он, хотя сам не поверил.

— Всех подруг уже спросили.

Грейвс натянул кафтан из грубой шерсти, затянул пояс, на котором висела дубинка — знак его должности. Дубинка была старой, потёртой, её дал ещё прошлый констебль, Джон Фарроу, который теперь лежал на кладбище Святого Григория — чума забрала его в прошлом сентябре.

— Схожу к Хауарду, — сказал Грейвс, не глядя на жену. — Скажу, чтобы не волновался.

Но когда он вышел на улицу Уайфайр, солнце только начинало подниматься над крышами, и утренний туман ещё не рассеялся. Воздух пах дымом, речной водой и чем-то сладковатым — многие в городе топили печи травой пижмой, считая, что дым защищает от чумы.

Чума.

Этого слова никто не произносил вслух, но оно висело в воздухе плотнее тумана. Говорили, что в Лондоне уже умерла тысяча человек. Говорили, что король Карл Второй бежал

из столицы в Оксфорд, бросив подданных на милость гнева Божьего. Говорили, что это наказание за грехи Реставрации — за театры, за танцы, за смех после долгих лет пуританского молчания.

Грейвс не знал, верить ли в это. Он верил в то, что видел своими глазами: тощий скот, высокие цены на зерно, беженцев с побережья, которые тянулись через Норидж на запад, подальше от голландских кораблей и чумных доков. Его мир был миром ткачей и торговцев шерстью, пивоваров и кожевников. Миром, где дети терялись, но всегда находились.

Дом Хауарда стоял на углу Уайфайр и переулка Гусиное Перо — двухэтажное здание с нависающим вторым этажом, как почти все дома в этой части города. Вывеска «Золотой баран» скрипела на ветру. Грейвс толкнул дверь.

Внутри пахло прокисшим элем и страхом.

Джон Хауард сидел за столом, сжимая кружку обеими руками. Лицо у него было серым, как зола.

— Томас, — сказал он, не поднимая головы. — Ты пришёл сказать, что она вернулась?

— Пока нет, Джон. Расскажи всё с начала.

Хауард поставил кружку. Руки у него дрожали.

— Вчера, после обеда, я послал её к пекарю. До Беддингем-лейн пять минут ходьбы. Туда и обратно — четверть часа. Через час её не было. Я послал Уилла, моего подмастерья, поискать. Он обошёл всю улицу — никто не видел. Никто, Томас!

— Может, зашла к кому-то в гости?

— Дочь у меня не дура. Она знает, что без спроса нельзя.

Грейвс помолчал.

— Покажи её комнату.

Комната была на втором этаже, маленькая, с низким потолком. Деревянная кровать, соломенный тюфяк, грубое одеяло. На подоконнике — глиняный горшок с засохшим розмарином.

— Вот её постель, — Хауард указал на смятое одеяло. — Она не ложилась. Утром всё так и было.

Грейвс подошёл к окну. Окно выходило на переулок Гусиное Перо — узкую щель между домами, где никогда не бывало солнца. Окно было приоткрыто. Достаточно широко, чтобы пролез ребёнок.

— Окно было закрыто?

— Я всегда закрываю на ночь. — Хауард нахмурился. — Но вчера... может, она открыла сама. Я не помню.

Грейвс нагнулся и осмотрел подоконник. Среди пыли и засохших мух лежало что-то зелёное.

Веточка полыни.

Он взял её в руки. Горький запах ударил в нос. Полынь росла повсюду на пустырях за городской стеной, но в детской комнате ей было не место. Только если кто-то не положил её сюда специально.

Или если кто-то принёс.

Грейвс сунул веточку в карман кафтана.

— Ты знаешь, кто мог бы...

Внизу хлопнула дверь, и на лестнице раздались тяжёлые шаги. На площадку взбежал Уилл, подмастерье Хауарда — парень лет шестнадцати, краснолицый, запыхавшийся.

— Хозяин! — выдохнул он. — Хозяин, там это... Толпа у ратуши. Говорят, что не только ваша дочь пропала. Говорят, что у кузнеца Грейвса — мальчик... тоже нет.

Хауард медленно поднялся из-за стола, его лицо стало не серым, а белым, как полотно.

— Боже милостивый, — прошептал он. — Боже, что происходит?

Грейвс посмотрел на веточку полыни, зажатую в кулаке, потом на приоткрытое окно, потом на трясущегося Хауарда.

«Сегодня был бы мой день убоя свиней», — подумал он почему-то. А вслух сказал:

— Я схожу к мировому судье. Сиди дома. Никуда не выходи. И запри окна.

Он вышел на улицу, где утренний туман уже рассеивался, открывая грязные мостовые, облезлые фасады и далёкие шпили кафедрального собора. Ветер донёс запах навоза и дёгтя.

И ещё один запах.

Сладковатый.

Грейвс никогда не слышал чумы, но он знал, как пахнет страх. Сейчас Норидж пах страхом.

Он зашагал к дому сэра Томаса Хэвиленда, мирового

судьи.

Глава 3. Мировой судья

Дом сэра Томаса Хэвиленда стоял на Томбленде, прямо напротив восточной стены собора. Это было одно из немногих каменных зданий в этой части города — остальные лепились из дерева и глины, но сэр Томас построил свой дом на старом фундаменте, ещё норманнском. Грейвс всегда думал, что это похоже на самого Хэвиленда: тяжёлый, несокрушимый, смотрящий на всех свысока.

Он постучал дверным молотком — бронзовым львом с открытой пастью. Долго никто не открывал. Наконец за дверью раздались шаркающие шаги, и на пороге появился Мэтью, старый слуга Хэвиленда, с лицом, напоминающим печёное яблоко.

— Констебль Грейвс, — Мэтью не спрашивал, он констатировал. — Сэр Томас завтракает. Он не любит, когда его беспокоят во время еды.

— Дело не терпит, Мэтью. Пропали дети.

Старый слуга помолчал секунду, потом кивнул и посторонился. Грейвс вошёл.

Внутри пахло воском и дорогим табаком — сэр Томас выписывал вирджинский из Лондона, по цене, за которую Грейвс мог бы купить корову. Стены приёмной были увешаны картами Норфолка и гравюрами с видами Нориджа. На одной Грейвс узнал замок — таким, каким он был до того,

как его превратили в тюрьму. На другой — городскую ратушу, где сейчас собиралась толпа.

— Входите, констебль, — раздался голос из внутренней комнаты. Голос был низким, чуть хрипловатым, с той особой интонацией, которая не терпела возражений. — Я слышал ваши шаги ещё на улице. Вы топаете, как ломовая лошадь.

Сэр Томас Хэвиленд сидел за дубовым столом, уставленным тарелками. На завтрак у него были холодная баранья нога, копчёная скумбрия, белый хлеб — настоящая роскошь в этом году — и кувшин эля. Сам судья был человеком лет пятидесяти, с седеющими бакенбардами и тяжёлой нижней челюстью, которая выдавалась вперёд, как у бульдога. Он носил чёрный бархатный камзол, хотя на улице стояло лето, и никогда не снимал с шеи серебряную цепь — знак своей должности.

— Детей? — переспросил Хэвиленд, не поднимая головы от тарелки. — Каких детей?

— Дочь Джона Хауарда, трактирщика с Уайфайр. И сын кузнеца Грейвса с Уайтфрайарс. Оба пропали вчера. Первая — среди бела дня. Второй — ночью, прямо из собственной постели.

Судья отложил нож. Его глаза — маленькие, колючие, цвета старого янтаря — уставились на Грейвса.

— Вы уверены, что они пропали, а не забрели куда-нибудь?

— Хауард обыскал всю улицу. Кузнец — половину при-

хода. Ни следа.

— А вы?

— Я только что от Хауарда. Осмотрел комнату девочки. Окно было открыто. И на подоконнике я нашёл вот это.

Грейвс достал из кармана веточку полыни и положил на стол перед судьёй. Хэвиленд посмотрел на неё так, будто перед ним лежала дохлая крыса.

— Полынь, — сказал он. — Растёт на каждом пустыре.

— Растёт. Но не в детских комнатах.

— Вы хотите сказать, что кто-то её туда положил?

— Я хочу сказать, что это странно.

Сэр Томас взял веточку двумя пальцами, понюхал, поморщился и бросил обратно на стол.

— Странностей в этом мире много, констебль. Чума, например, странность. Война с голландцами — тоже странность. Но мы не хватаемся за каждую травинку и не кричим «колдовство». — Он помолчал, потом спросил: — А что говорит народ?

— Народ говорит разное, — ответил Грейвс осторожно. — Кто-то считает, что дети ушли к реке и утонули. Кто-то говорит о диких зверях — в лесу за Торпландом видели большого волка. А кто-то...

— Кто-то говорит о ведьмах, — закончил за него судья. — Ну конечно. Стоит ребёнку потеряться, как сразу находится дюжина старух, которые шепчутся по углам.

Грейвс промолчал.

Хэвиленд отодвинул тарелку, вытер губы салфеткой и подошёл к окну. Из окна открывался вид на собор — серую громаду, которая царила над городом вот уже пятьсот лет. Шпиль уходил в небо, и на его фоне кружили галки.

— Вот что, Грейвс, — сказал судья, не оборачиваясь. — Я дам вам помощника. Моего писаря, Николаса Бейли. Он молодой, грамотный, знает латынь. И он верит во всю эту чертовщину, так что пусть бегает по ведьмам, если ему неймётся. А вы делайте своё дело. Ищите детей. Но — без шума. Я не хочу, чтобы по городу поползли слухи о колдовстве. У нас и так хватает паники. Чума, война... Люди готовы поверить во что угодно.

— Даже в правду? — спросил Грейвс.

Хэвиленд резко обернулся. Его челюсть выдвинулась ещё сильнее.

— Правда, констебль, — это то, что я скажу судьям на ассизах. А всё остальное — слухи. Вы поняли меня?

— Да, сэр.

— Тогда ступайте. Бейли будет ждать вас у ратуши через час. И не теряйте времени.

Грейвс поклонился и вышел. На улице он глубоко вздохнул, как человек, который слишком долго задерживал дыхание. Станный был разговор. Судья явно что-то не договаривал. Он слишком быстро согласился дать помощника. Слишком легко отмахнулся от полыни. Слишком нервно говорил о слухах.

Грейвс посмотрел на собор. Солнце уже поднялось выше, и тень шпиля лежала на Рыночной площади, разрезая толпу надвое. Он пошёл к ратуше, размышляя о том, что в этом городе слишком много теней для одного летнего утра.

Глава 4. Писарь

Николас Бейли ждал его у северного крыльца ратуши, нервно теребя край своего чёрного плаща.

Он был молод — лет двадцати двух, не больше — и выглядел так, будто вышел из другой эпохи. Длинные, до плеч, тёмные волосы, бледное лицо с тонкими чертами, под глазами синяки — он явно не высыпался. Одет он был во всё чёрное, как пуританский проповедник, хотя пуритане уже давно потеряли власть, а король Карл носил кружева и любил собак породы спаниель.

— Констебль Грейвс? — спросил Бейли. Голос у него был тихий, чуть дрожащий, но глаза смотрели цепко и внимательно. — Меня прислал сэр Томас. Я буду помогать вам в расследовании.

— Значит, вы писарь? — Грейвс оглядел его с ног до головы. — И много вы написали за свою жизнь? Завещаний? Долговых расписок?

— Я пишу проповеди, — ответил Бейли без улыбки. — И трактаты. О природе зла.

— О природе зла, — повторил Грейвс. — Ну что ж, сэр Томас сказал, вы верите во всякую чертовщину. Значит, вы нам пригодитесь. Пойдёмте.

Он зашагал к Уайтфрайарс, где жил кузнец, не оглядываясь, уверенный, что писарь последует за ним. И точно — че-

рез секунду он услышал сзади торопливые шаги.

— Вы знаете, констебль, — заговорил Бейли, поравнявшись с ним, — что полынь часто используют в колдовских обрядах?

Грейвс покосился на него.

— Я думал, вы хотите спросить, откуда я знаю про полынь.

— Откуда вы знаете про полынь?

— Сэр Томас сказал, пока вы были у него. И я видел её у Хаурда. — Бейли говорил быстро, как будто боялся, что его перебьют. — Полынь используется для призыва духов. Считается, что если положить её на подоконник в ночь полнолуния, то нечистая сила сможет войти в дом.

— Считается кем?

— В народе. В книге короля Якова «Демонология» тоже об этом сказано. А ещё полынь применяют ведьмы, чтобы летать по воздуху. Растирают в порошок, смешивают с жиром...

— С жиром? — переспросил Грейвс. — На чьём жиру? Бейли поморщился.

— Лучше вам не знать, констебль.

Они вышли на Уайтфрайарс — широкую улицу, которая вела к реке. Здесь жили кузнецы, жестянщики, шорники. Воздух пах гарью и железом. Дом кузнеца Грейвса — однофамильца констебля, что постоянно вызывало путаницу — стоял в конце улицы, приземистый, с огромной трубой, из

которой до сих пор валил чёрный дым. Кузнец работал с самого утра, потому что работа была единственным, что отгоняло мысли о пропавшем сыне.

Сам кузнец — здоровенный мужик с руками, похожими на кузнечные мехи — встретил их у порога. Его звали Роберт, и он был ровесником Грейвса, но выглядел на десять лет старше. Глаза у него были красные — от дыма или от слёз, констебль не понял.

— Пришли, значит, — сказал кузнец хрипло. — А я уж думал, что вам плевать на нас, простых людей.

— Мне не плевать, Роберт, — ответил Грейвс. — Я делаю то, что должен. Расскажи про своего мальчика.

Кузнец утёр лицо рукавицей, оставив на щеке чёрную полосу.

— Томас-младший, седьмой год пошёл. Спал у задней стены, где остывает горн. Там всегда тепло, и ему нравилось. Вчера вечером я положил его, как обычно. А утром — пусто. Одеяло скинуто, окно открыто. Он никогда бы не ушёл сам. Никогда.

— Окно было закрыто?

— Да. Я сам запирал, потому что в прошлом месяце кто-то украл из сарая козу.

— А утром оно было открыто?

— Распахнуто настежь.

Грейвс зашёл внутрь. Кузница была одной комнатой: горн, наковальня, в углу — топчан, на котором спал мальчик. Ок-

но выходило на задворки — пустырь, заросший крапивой и лопухами. Грейвс осмотрел подоконник.

Там ничего не было. Ни пыли. Ни веточки. Никакого следа.

Но когда он нагнулся ниже, к полу, он заметил что-то странное. На досках, прямо под окном, кто-то нацарапал знак. Грейвс не сразу понял, что это такое. Круг. Внутри круга — треугольник. Внутри треугольника — точка.

Глаз.

— Бейли, — позвал он. — Идите сюда.

Писарь подошёл, заглянул через плечо и побледнел так, что стал похож на лист бумаги.

— Это метка, — прошептал он. — Я знаю её. Я видел её в книге.

— Что за метка?

— Знак дьявола, — сказал Бейли, и голос его сорвался на фальцет. — Он означает, что дом помечен. Что душа, живущая в нём, продана Тёмному.

Грейвс посмотрел на знак, потом на бледного писаря, потом на кузнеца, который стоял в дверях и не смел войти.

— Или, — сказал Грейвс медленно, — кто-то просто царапнул доску гвоздём.

— Но кто? И зачем?

— Это мы и узнаем, — ответил констебль. — Если не будем тратить время на пересуды.

Он выпрямился, потирая занывшую поясницу. Второй

пропавший ребёнок. Открытое окно. Полынь на одном подоконнике, странный знак под другим.

Что-то здесь было не так. И Грейвс боялся, что Бейли, со всей своей «Демонологией», может оказаться прав.

Но в каком смысле — вот в чём вопрос.

Глава 5. Болото

Торпландское болото лежало к северу от города, за старой городской стеной, где Норидж кончался и начиналось ничто.

Грейвс не любил это место. С детства он помнил рассказы матери о том, как болото забирает путников — трясина раскрывается, как пасть, и человек уходит под зелёную ряску, не успев даже крикнуть. Взрослые смеялись над этими сказками, но сами обходили болото стороной. Там не пасли скот, не собирали хворост, не ходили по грибы. Там вообще не ходили, если можно было не ходить.

Но сегодня пришлось.

После осмотра дома кузнеца Грейвс отправил Бейли собирать слухи на Рыночной площади, а сам направился к северным воротам. У него была мысль — смутная, почти безумная, но она не отпускала. Веточка полыни на подоконнике у Хауарда. Станный знак под окном кузнеца. И главное — оба ребёнка пропали не просто так, а с открытых окон. Кто-то не взламывал двери. Кто-то не лез через забор. Кто-то просто вошёл и увёл детей, будто они ждали его.

Или будто он знал, что они откроют сами.

Городская стена в северной части обветшала ещё при королеве Елизавете. Камни вывалились, образовав широкие проходы, которые никто не заделывал — не хватало ни денег, ни желания. Через эти проходы в город вползали бродя-

ги, беженцы и иногда — дикие звери. Грейвс миновал один такой пролом и вышел на тропу, которая вела к болоту.

Солнце стояло высоко, но воздух здесь был холодным и влажным, как в погребе. Тропа петляла между корявыми берёзами и кустами ивы, постепенно уходя вниз. Земля под ногами становилась мягче, а потом и вовсе превратилась в чавкающую жижу. Грейвс остановился.

Впереди расстилалось болото.

Оно было не таким, как в детских страшилках. Никаких торфяников, уходящих в бесконечность. Обычное болото — зелёное, кочковатое, с редкими островками сухой земли. Местами торчали старые чёрные пни, похожие на скелеты утопленников. Пахло тиной, гнилью и чем-то сладковатым — тем же сладковатым запахом, который Грейвс уловил этим утром на Уайфайр.

Он пошёл дальше, ступая осторожно, ощупывая палкой каждый шаг. Вода хлюпала под сапогами. Справа от него в камышах что-то шуршало — может, выдра, может, крыса, а может, и покрупнее. Грейвс сжал дубинку поудобнее.

Он искал не что-то конкретное. Он искал знак. Любой знак.

Он нашёл его через полчаса — у подножия старого, полусгнившего дуба, который стоял на единственном сухом клочке земли во всей округе. Дуб был мёртв уже лет сто, его корни торчали из земли, как пальцы мертвеца. А на одном из корней висела тряпичная кукла.

Грейвс подошёл ближе. Кукла была самодельной — из мешковины, набитой соломой. Вместо глаз — две чёрные пуговицы. Вместо рта — кривой стежок красной ниткой. На платье куклы — пятна. Бурые, засохшие. Грейвс знал, что это за пятна.

Он не стал трогать куклу. Вместо этого он опустился на корточки и осмотрел землю вокруг. Следы. Много следов. Детские — маленькие, узкие, босые. И взрослые — тяжёлые, глубокие, в грубых башмаках с железными подковами. Следы вели от дуба в сторону старой мельницы, которая стояла на восточном краю болота, совсем разрушенная, без крыши, с провалившимся колесом.

Грейвс выпрямился и посмотрел на мельницу. Та молчала, но ему показалось, что в пустых глазницах окон кто-то стоит и смотрит на него. Он моргнул — видение исчезло.

«Или показалось, — подумал он, — или это просто игра света».

Он всё равно пошёл к мельнице. Но сначала — завязал узелком ветку ближайшего куста, чтобы не заблудиться на обратном пути. Его мать учила его этому в детстве, когда они собирали чернику в лесу за Данвичем. Тогда он смеялся. Теперь не смеялся.

Мельница оказалась ещё страшнее, чем он ожидал.

Снаружи она выглядела просто старой. Внутри — мёртвой. Половина досок пола провалилась, обнажая тёмную воду внизу. Стёкол в окнах не было, и ветер свободно гулял по

пустым комнатам, шевеля сухие листья, которых здесь набилось по колено. Пахло плесенью, мышами и чем-то ещё — чем-то, чего Грейвс не мог опознать. Он нюхал этот запах один раз в жизни, когда находил дохлую лошадь в канаве у дороги. Не совсем то же самое, но близко.

Он обошёл первый этаж — ничего. Второй этаж — лестница сгнила, пришлось карабкаться по стене, цепляясь за выступы. Там была одна комната с покатым полом. В углу — старая соломенная подстилка, на которой кто-то недавно спал. Солома была примята, но не заплесневела. Рядом — пустая глиняная кружка и кусок чёрствого хлеба.

Здесь кто-то жил. Или прятался.

Грейвс опустился на колени и осмотрел подстилку. Среди соломы он нашёл несколько тёмных волосков — не человеческих. Собачьих? Волчьих? Он сунул их в карман, рядом с веточкой полыни.

Потом он нашёл это.

У самого края подстилки, придавленная камнем, лежала небольшая деревянная пластинка — похожая на те, на каких печатники набирают буквы. Но это была не буква. Это был знак. Круг. Внутри круга — треугольник. Внутри треугольника — точка.

Точно такой же знак, как под окном кузнеца.

Грейвс взял пластинку в руки. Дерево было старым, но знак вырезан недавно — на срезе ещё виднелись светлые царапины, не успевшие потемнеть. Он перевернул пластинку.

На обратной стороне кто-то выцарапал слово.

«ПЕРВЫЙ».

Грейвс почувствовал, как по спине пробежал холод. Не от ветра — тот стих. Не от сырости — он привык к ней за годы жизни в Норидже. Холод был другим. Он шёл изнутри.

«Первый» — это имя? Счёт? Предупреждение?

Он сунул пластинку во внутренний карман кафтана, туда, где носил деньги, которых почти не было. Потом встал, оглядел комнату ещё раз и замер.

На стене, на уровне детского роста, кто-то нарисовал углём рисунок. Детский рисунок — неправильные пропорции, толстые линии, схематичные фигуры. На рисунке были изображены люди. Взрослые и дети. Дети держали взрослых за руки. Но лица у взрослых были странными — круглыми, без черт. И каждый взрослый стоял на коленях.

Грейвс присмотрелся и понял, что это не взрослые. Это деревья. Дети держали за руки деревья. А между деревьями — что-то круглое, похожее на солнце или на...

Он не успел додумать.

Снизу, с первого этажа, раздался треск. Кто-то наступил на гнилую доску.

Грейвс мгновенно пригнулся, вытащил дубинку и замер. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его стук слышен во всей мельнице. Он ждал. Тишина. Ещё минута тишины.

Потом — скрип шагов. Осторожных, крадущихся.

Кто-то был внизу. И этот кто-то не хотел, чтобы его слышали.

Грейвс медленно, стараясь не шуметь, подполз к краю провала в полу. Сквозь щели между досками он видел часть первого этажа — пятно света от разбитого окна, груды камней, и...

Тень. Чья-то тень скользнула по стене, бесшумно, как привидение. Грейвс не разобрал, мужчина это был или женщина. Но тень двигалась к лестнице.

Выхода у Грейвса не было. Лестница, по которой он поднялся, держалась на честном слове — если по ней спускаться, она рухнет. Придётся прыгать вниз, на первый этаж, с высоты в два человеческих роста. Рискованно, но другого пути не было, если только...

Тень остановилась. Повернулась. Уставилась прямо в щель, где лежал Грейвс.

Он поклялся бы, что они встретились глазами. Хотя сквозь щель невозможно было разглядеть лица. Только темнота и два бледных пятна — глаза.

А потом тень исчезла. Бесшумно, как и появилась.

Грейвс выждал ещё минуту, потом другую. Ни звука. Он решил и прыгнул вниз, стараясь приземлиться на ноги. Пол под ним хрустнул, но выдержал. Он выбежал из мельницы, огляделся.

Никого.

Только ветер шуршал в сухой траве, и где-то далеко кри-

чала птица.

Грейвс постоял, отдышался, убрал дубинку. Потом посмотрел на мельницу — на её тёмные окна, на провалившуюся крышу, на стены, покрытые мхом. Ему показалось, что из одного окна за ним кто-то наблюдает. Он заставил себя не бежать, а идти спокойным шагом, хотя каждый нерв в теле кричал «убирайся отсюда».

Он вернулся к дубу с куклой, снял её с корня, завернул в тряпицу и сунул в мешок. Потом пошёл к городу, не оглядываясь.

По пути он думал о том, что сегодня узнал слишком много и слишком мало одновременно. Кто-то живёт на мельнице. Кто-то оставил куклу на дубе. Кто-то смотрел на него из темноты. И все эти «кто-то» — возможно, один человек. Возможно, тот самый, кто открыл окна в домах Хауарда и кузнеца. Тот, кто увёл детей.

Но зачем ему кукла? Зачем знаки? Зачем слово «ПЕРВЫЙ»?

Эти вопросы не давали покоя.

К тому времени, как Грейвс вышел к городской стене, солнце начало клониться к западу. Он не заметил, как прошёл почти весь день. В животе урчало — он не ел с утра. Но есть не хотелось. Он хотел только одного — добраться до дома, сесть за стол и записать всё, что увидел, пока не забыл детали.

Но дома его ждала Маргарет. А на столе — кусок холод-

ной каши и новость, от которой у Грейвса опустились руки.

— Томас, — сказала жена, не глядя на него. — Пока тебя не было, прибежал мальчишка от сэра Хэвиленда. Сказал, что нашли тело.

Грейвс замер у порога.

— Кого?

— Дочь трактирщика. Элли.

Она подняла глаза. В них были слёзы, но не от жалости — от страха.

— Говорят, с ней что-то сделали, Томас. Что-то страшное.

Грейвс опустился на лавку, не снимая грязных сапог. Маргарет бы заворчала, но сегодня она молчала.

— Где она? — спросил он.

— В амбаре за бойней на Кинг-стрит. Сэр Томас велел тебе прийти немедленно.

Грейвс закрыл глаза. Ему вдруг захотелось, чтобы весь этот день оказался сном. Чтобы он проснулся сейчас, в своей постели, под боком у тёплой жены, и за окном было ещё темно, и крысы ещё не съели окорок.

Он знал, что не проснётся.

Он встал, взял со стола кусок хлеба, сунул его в рот, не жуя, и вышел на улицу. Норидж встречал его вечерними тенями и запахом дыма из печей — люди жгли пижму, чтобы отогнать чуму.

Грейвс шёл на Кинг-стрит и впервые в жизни думал о том, что, может быть, чума — это не худшее, что может случиться

с городом.

Глава 6. Первая кровь

Амбар за бойней на Кинг-стрит был местом, куда нормальные люди не ходили без нужды.

Бойня работала с утра до вечера, и запах крови вьелся в землю так глубоко, что даже после дождя здесь пахло железом и смертью. Сам амбар стоял в двадцати шагах от бойни — длинное, низкое здание из чёрного дерева, без окон, с одной только широкой дверью. Раньше в нём хранили шкуры и кости. Потом хозяин разорился, и амбар пустовал. Теперь он снова понадобился.

Грейвс подошёл к дверям. Снаружи уже собралась толпа — человек двадцать, не больше. Сэр Томас Хэвиленд, разумеется, разогнал всех, кто не имел отношения к делу, но любопытные всё равно жались по краям, вытягивая шеи. Среди них Грейвс заметил Бейли — писарь стоял в стороне, бледный, сжимая в руках потрёпанную книгу в кожаном переплёте.

— Констебль, — сказал Бейли, когда Грейвс поравнялся с ним. — Я боялся, что вы не придёте.

— Куда я денусь, — буркнул Грейвс. — Кто нашёл тело?

— Мальчишки. Играли в прятки за амбаром и нашли её.

Она лежала у задней стены, прикрытая шкурами.

— Шкурами? Какими шкурами?

— Коровами. Овцами. Козьими. Здесь их полно — бойня

рядом.

Грейвс кивнул и вошёл внутрь.

В амбаре было темно и душно. Сэр Томас Хэвиленд стоял у дальней стены, заслоняя собой что-то на полу. Рядом с ним — двое понятых, которых судья призвал для осмотра: аптекарь Эдмунд Клоуз и церковный староста Саймон Баркер. Оба выглядели так, будто их сейчас вырвет.

— Грейвс, — сказал Хэвиленд, не здороваясь. — Идите сюда. И, ради Бога, не падайте в обморок. Мне нужны глаза, а не ваша бледная физиономия.

Грейвс подошёл и посмотрел.

Потом пожалел, что посмотрел.

Девочка лежала на спине, руки вдоль тела, ноги вместе. Кто-то уложил её очень аккуратно, как будто готовил к погребению. На ней была та же одежда, в которой она ушла за хлебом — серое льняное платье, грубые чулки, стоптанные башмаки. Волосы — русые, длинные — были расчёсаны и расправлены по плечам.

Но не это приковывало взгляд.

На лбу у девочки был вырезан знак. Неглубоко, почти косметически — как будто кто-то водил лезвием по коже, не желая убивать, только метить. Грейвс узнал его мгновенно. Круг. Треугольник. Точка.

Глаз.

И не просто глаз. От знака во все стороны расходились тонкие линии — лучи? трещины? — будто кто-то пытался

изобразить солнце или паука.

— Это не всё, — сказал Хэвиленд тихо. — Посмотрите на руки.

Грейвс опустил взгляд. Руки девочки были сжаты в кулаки. Он осторожно разжал один — пальцы не поддавались, пришлось приложить усилие. Внутри оказалась зажата горсть земли. Обычной земли, чёрной, с болота — он узнал её по запаху.

— Она держала землю, — сказал Грейвс.

— Это не земля, — возразил аптекарь Клоуз. Голос у него дрожал. — Это торф. Торф с болота. Я нюхал его сто раз, я знаю.

— С какого болота?

— С Торпландского, конечно. Какого же ещё.

Грейвс выпрямился. В голове у него вертелось слишком много мыслей — кукла на дубе, подстилка на мельнице, тень, смотревшая на него из щели, и теперь эта девочка со знаком на лбу и торфом в ладонях.

— Есть что-то ещё? — спросил он.

— Есть, — ответил Хэвиленд. — Самое странное.

Он отошёл в сторону, и Грейвс увидел стену амбара. На ней, на уровне глаз девочки, кто-то написал углём. Не рисунок — слова. Неровные, детские буквы, как будто писавший только учился грамоте.

«ОНА ПЕРВАЯ. НО НЕ ПОСЛЕДНЯЯ»

Грейвс прочитал это три раза. Потом повернулся к Бейли,

который стоял в дверях, не решаясь войти.

— Писарь, — сказал он. — Идите сюда. Посмотрите на это. Ваша «Демонология» может объяснить, что это значит?

Бейли подошёл, взглянул на девочку, побледнел ещё сильнее, потом перевёл взгляд на стену. Он молчал так долго, что Грейвс уже хотел повторить вопрос.

— Это посвящение, — наконец сказал Бейли. Голос его звучал глухо, как из-под земли. — В некоторых обрядах дьяволопоклонников... они приносят жертву, а потом пишут её имя на стене. Или слово, которое её обозначает.

— Она — жертва?

— Она — первая жертва, — поправил Бейли. — Понимаете? «Первая» означает, что будут другие.

— Откуда вы знаете?

— Я читал, — сказал Бейли. — В книгах. В трактатах Мэттью Хопкинса, главного охотника на ведьм. Он описывал такие вещи. Он говорил, что дьявол требует не одной души, а многих. Он хочет собрать урожай.

— Урожай? — переспросил Грейвс. — Детей?

— Детей, взрослых, неважно. Души. Он метит их знаком, чтобы забрать в свой час.

Грейвс посмотрел на девочку. Ей было девять лет. Девять лет, и кто-то вырезал на её лбу дьявольскую метку, зажал в руках болотный торф и написал на стене, что она — первая.

«Исток», — подумал он вдруг. Откуда взялось это слово? Он никогда не думал о нём раньше. Но сейчас оно пришло

само, как приходит ответ на вопрос, который ты ещё не задал.

Исток.

Начало реки. Начало чего-то.

Он боялся узнать — чего именно.

— Сэр Томас, — сказал Грейвс, поворачиваясь к судье. — Я хочу обыскать Торпландское болото. И старую мельницу. Я был там сегодня. Кто-то живёт на мельнице. И этот кто-то может быть связан с девочкой.

Хэвиленд посмотрел на него долгим взглядом, потом кивнул.

— Берите людей. Бейли, понятых, кого хотите. Но чтобы к завтрашнему вечеру у меня был ответ. Я не хочу, чтобы дети Нориджа боялись засыпать.

— Они уже боятся, — сказал Грейвс. — И правильно делают.

Он вышел из амбара. На улице смеркалось. Толпа разошлась — остались только самые упёртые, которые ждали, что им покажут тело. Грейвс молча прошёл мимо них, не отвечая на вопросы.

Он шёл домой и думал о том, что завтра ему предстоит вернуться на болото. И на этот раз он будет не один.

Вопрос был только в том, кого он там встретит — человека, зверя или что-то, для чего у людей ещё не придумали названия.

Глава 7. Облава

Грейвс не спал эту ночь.

Он лежал на спине, глядя в потолок, где плясали отблески догоравшего очага, и слушал дыхание Маргарет. Она уснула быстро — усталость и страх сморили её, как тяжёлая рука. Дети тоже спали. Томас-младший — тёзка, которого Грейвс всё никак не мог привыкнуть называть по имени, не путая с собой — зарылся носом в подушку и иногда всхлипывал во сне. Ему было шесть. Он ещё не понимал, что происходит, но чувствовал, что мир вокруг стал другим.

Грейвс думал о девочке.

Он видел мёртвых и раньше. В сорок седьмом, когда через Норидж шли отряды парламентской армии, он помогал убирать тела после стычки на Сент-Стивенс-лейн — тогда убили пятерых солдат, и их сложили в телегу, как дрова. В прошлом году, когда чума пришла в соседний приход, он носил мешки с негашёной известью и засыпал ямы, где лежали умершие. Но то была смерть понятная. Солдаты умерли от пуль и клинков. Зачумлённые — от гнева Божьего, как говорили священники, или от грязной воды и блох, как шептались в тавернах.

А эта девочка умерла не от пули и не от чумы.

На её теле не было ран, кроме знака на лбу. Её не душили, не били, не травили. Королевский хирург, которого вызвал

сэр Томас из лазарета при соборе, осмотрел тело и развёл руками — никаких следов насилия. Девочку не насиловали, не резали, не ломали ей кости. Она просто... перестала дышать. Как будто кто-то выключил свечу.

«Умерла от страха», — сказал хирург, но по его глазам Грейвс понял, что тот сам не верит в это.

От страха не вырезают знаки на лбу.

Грейвс перевернулся на бок и закрыл глаза. Завтра будет долгий день. Нужно было выспаться. Но сон не шёл.

Он встал до рассвета, когда небо за окном было ещё тёмно-синим, почти чёрным. Маргарет заворочалась, но не проснулась. Он надел кафтан, проверил дубинку — на месте. Потом подумал и сунул за пояс ещё и нож — тот самый, которым резал свиней в прошлом году. Лезвие было острым, рукоять потёртой. Он не знал, зачем ему нож. Но чувствовал, что сегодня он может понадобится.

На улице было холодно. Лето в Норидже никогда не было по-настоящему тёплым — ветер с Северного моря приносил сырость и туман, которые не рассеивались даже в июле. Грейвс зашагал к ратуше.

Бейли уже был там. Он сидел на ступенях, поджав колени к подбородку, и читал свою книгу — ту самую, в кожаном переплёте. При виде Грейвса он вскочил, чуть не уронив фолиант.

— Констебль! Я думал, вы не придёте так рано.

— Я почти не спал, — сказал Грейвс. — Вы спали?

Бейли покачал головой. Под глазами у него залегла такая тень, будто он не спал не одну ночь, а целую неделю.

— Я читал, — сказал он, поднимая книгу. — Всю ночь. О знаках. О метках. О том, что означает глаз в треугольнике.

— И что же он означает?

Бейли открыл книгу на заложенной странице и прочитал вслух, старательно выговаривая латинские слова:

— «Oculus in triangulo est signum videndi quod non est videndum. Oculus videt animam. Triangulus claudit eam. Punctus in medio est anima ipsa».

Грейвс не знал латыни.

— По-английски, — попросил он.

— Глаз в треугольнике — знак видения того, что не должно быть увидено. Глаз видит душу. Треугольник заключает её в клетку. Точка посередине — сама душа.

— То есть тот, кто вырезал этот знак, хотел захватить душу девочки?

— Или освободить её, — сказал Бейли. — В некоторых текстах говорится, что знак открывает дверь между мирами. Если жертва отмечена им, её душа может перейти на другую сторону.

— На другую сторону чего?

— Ада. Рая. Чистилища. Или... куда-то ещё. Тексты не уточняют.

Грейвс помолчал. Потом спросил:

— Вы верите в это, писарь? По-настоящему?

Бейли посмотрел на него долгим взглядом. В его глазах Грейвс увидел что-то, чего не замечал раньше — не просто учёную одержимость, а настоящую, глубокую веру. Или страх.

— Я видел такое однажды, — сказал Бейли тихо. — В другом городе, когда был мальчишкой. Там тоже пропадали дети. А потом их находили с метками. Местный констебль сказал — волки. Все поверили, потому что легче поверить в волков, чем в правду. Но я видел знак. Тот же самый. Глаз в треугольнике.

— И что случилось с теми детьми?

Бейли промолчал.

— Пойдёмте, — сказал Грейвс. — У нас сегодня много работы.

Они собрали отряд к восьми часам. Сэр Томас дал Грейвсу четырёх человек: двух понятых — рослых мужиков с дубинами, которые обычно помогали констеблю на рынке; Бейли, конечно; и ещё одного — низкорослого, юркого человека по имени Саймон Кроу, который работал могильщиком на кладбище Святого Григория. Саймон знал все окрестные тропы лучше любого охотника, потому что копал могилы и на городских кладбищах, и за городской стеной, где хоронили бродяг и безымянных.

— Торпландское болото? — переспросил Саймон, когда Грейвс объяснил задачу. — Туда никто не ходит. Даже я.

— А ты пойдёшь, — сказал Грейвс. — Я заплачу.

— Сколько?

— Шесть пенсов.

— Шиллинг.

— Восемь пенсов.

— Идёт.

Они выдвинулись через северные ворота, мимо того самого пролома в стене, который Грейвс прошёл накануне. Утро было серым, небо затянуто облаками. Птицы молчали. Грейвсу это не понравилось — птицы всегда молчат перед грозой или перед чем-то плохим.

Тропа к болоту была знакома, но вчерашние ориентиры сегодня казались чужими. Куст, который Грейвс завязал узелком, пропал — вернее, узелок был на месте, но куст почему-то сдвинулся. Или просто Грейвс ошибся?

— Здесь кто-то ходит, — сказал Саймон, осматривая землю. — И не один. Следы старые и новые. Вот эти — вчерашние, ваши. А вот эти — сегодняшние.

— Откуда вы знаете, что сегодняшние?

— Края не обветрены, — объяснил Саймон. — Если следу день, земля уже осыпается. А если несколько часов — держит форму. Вот эти — несколько часов. Идут с болота к городу.

Грейвс посмотрел на следы. Те же грубые башмаки с железными подковами, что и вчера. Тот же размер — взрослый мужчина, тяжёлый, крупный. Или женщина в мужской обуви.

— Можете их выследить? — спросил он.

— Могу, — сказал Саймон. — Но не обещаю, что нам это понравится.

Они пошли по следам. Отряд двигался медленно, осторожно. Понятые то и дело оглядывались, будто ждали нападения сзади. Бейли шёл с книгой в руках, но не открывал её — просто сжимал так крепко, что побелели костяшки пальцев. Грейвс вёл отряд, стараясь не показывать страха.

Следы привели их не к мельнице.

Они привели их к колодцу.

Старый колодец стоял на краю болота, в низине, заросшей ивняком. Никто не помнил, кто и когда его выкопал. Может быть, монахи из распущенного монастыря. Может быть, просто местные, давно, когда здесь ещё было сухо. Сейчас колодец был наполовину разрушен — каменные кольца треснули, вода внизу стояла чёрная и неподвижная.

Рядом с колодцем лежала детская рубашка.

Грейвс поднял её. Льняная, грубая, испачканная чем-то тёмным. Не кровью — чем-то другим. Торфом? Или просто грязью?

— Чья? — спросил он.

Никто не ответил.

Бейли подошёл ближе, взял рубашку, понюхал и закашлялся.

— Полынь, — сказал он. — Ею пропитана ткань. Зачем кому-то пропитывать детскую рубашку полынью?

— Чтобы отогнать злых духов, — ответил Грейвс. — Или чтобы привлечь.

— Или чтобы надеть на ребёнка, который уже мёртв, — сказал Саймон. — Покойников иногда наряжают в травы. Чтобы душа не вернулась.

Грейвс посмотрел в колодец. Вода была чёрной, но на поверхности плавало что-то белое. Он нагнулся, вглядываясь. Перо. Гусиное перо. Такими писали письма, такие лежали на столах у писарей и священников.

— Бейли, — позвал он. — Ваше перо?

Писарь покачал головой. Но когда он подошёл к колодцу и заглянул внутрь, лицо его стало совсем белым.

— Там что-то ещё, — прошептал он. — В воде. В глубине.

Грейвс прищурился. Сначала он ничего не увидел — только чёрную воду и белое перо. Потом, когда глаза привыкли к темноте, он заметил.

Под водой, на дне колодца, лежало что-то, что не должно было лежать в колодце.

Кости.

Мелкие кости. Детские.

Он насчитал три черепа. Маленьких, с провалившимися глазницами. Рядышком — рёбра, позвонки, обрывки ткани.

— Господи Иисусе, — выдохнул один из понятых. — Тут их несколько.

— Сколько? — спросил Грейвс, не поворачиваясь.

— Трое, — ответил Бейли, не отрывая взгляда от воды.

— Нет, четверо. Один череп меньше других — младенец.
Младенец.

Грейвс выпрямился и отошёл от колодца. Ему хотелось вырвать. Он сдерживался из последних сил.

— Саймон, — сказал он могильщику. — Вы умеете с этим работать?

— Умею, — ответил тот без энтузиазма. — Но это не на один день. Нужно вычерпывать воду, поднимать кости, записывать. Это работа для коронера, а не для меня.

— Коронер будет. Сейчас вы — мои глаза. Что вы видите?
Саймон ещё раз заглянул в колодец, потом отошёл, достал глиняную трубку, набил её табаком и закурил. Курил он молча, выпуская клубы дыма в сырой утренний воздух.

— Кости старые, — наконец сказал он. — Некоторые — года два-три. Другие — больше. Вон тот череп, — он ткнул пальцем в колодец, — лежал в воде не меньше пяти лет. А вон тот — может, полгода.

— То есть детей бросали сюда не один раз?

— И не два, — сказал Саймон. — Я насчитал как минимум пять разных скелетов. Но точнее скажу, когда вытащим.

Грейвс обернулся к понятиям. Те стояли, переминаясь с ноги на ногу, и отводили глаза.

— Вы, — сказал Грейвс одному из них. — Бегом к сэру Томасу. Скажите, что мы нашли колодец с костями. Пусть присылает коронера и людей с верёвками. И пусть пришлёт священника.

Понятой кивнул и побежал к городу, ловко перепрыгивая через кочки.

— Что теперь? — спросил Бейли.

Грейвс посмотрел на небо. Облака сгустились, стало темнее. Болото молчало. Даже птиц не было слышно — только ветер шуршал в камышах.

— Теперь мы ждём, — сказал Грейвс. — И думаем.

— О чём?

— О том, кто это сделал. И о том, где сейчас остальные.

— Какие остальные?

Грейвс повернулся к нему. В его глазах была такая усталость, какой Бейли не видел никогда — даже у стариков, которые доживали свой век в богадельне.

— Те, чьих костей здесь нет, — сказал Грейвс. — Те, кто ещё жив. Те, кого уведят, а не убивают сразу. И те, кого учат...

Он не договорил. В голове крутилось то, что сказал найденный мальчик — «я научился резать быстрее всех». Грейвс тогда не поверил до конца. А теперь начинал верить.

Колодец с детскими костями на краю болота. Мельница, где кто-то жил. Знаки на телах. Полынь на подоконниках.

Всё это складывалось в картину, которую Грейвс боялся увидеть целиком.

— Идёмте к мельнице, — сказал он. — Пока не пошёл дождь.

Они пошли. И дождь пошёл. Мелкий, противный, север-

ный. Он стучал по листьям ив, по спинам людей, по камням. И казалось, что сама земля плачет по детям, которых больше нет.

Глава 8. Травница

Мельница была пуста.

Когда Грейвс и его люди вернулись туда, подстилка исчезла. Кружка исчезла. Хлеб исчез. Даже солома была аккуратно сметена в угол, как будто кто-то прибрался после ухода. Знак на стене — глаз в треугольнике — остался, но кто-то попытался затереть его. Слабо, небрежно, будто второпях.

— Он знал, что мы придём, — сказал Бейли.

— Или она, — поправил Грейвс.

Он обыскал мельницу снова, теперь тщательнее. Под половицами, в щелях между камнями, в трухлявых балках перекрытий. Нашёл немного — обрывок ткани (такой же, как на кукле), засохшую головку полыни (повязанную чёрной ниткой), и маленький, почти игрушечный кинжал. Настоящий, острый, но маленький — для детской руки.

— Посмотрите на это, — сказал он, протягивая кинжал Бейли.

Писарь взял его, покрутил в руках, провёл пальцем по лезвию.

— Точили недавно, — сказал он. — И не на точильном камне — на бруске, как ножи для разделки туш.

— Его использовали, чтобы резать?

— Или чтобы учить резать.

Грейвс вспомнил куклу на дубе. Тело первой девочки.

Угольные надписи на стенах. И слово «ПЕРВЫЙ», вырезанное на деревянной пластинке.

— Это школа, — сказал он вдруг. — Не убежище. Не логово. Школа.

— Школа чему?

— Школа смерти, — ответил Грейвс. — Кто-то учит детей убивать.

Повисла тишина. Даже дождь, казалось, замер.

— Вы не можете этого знать, — сказал наконец один из понятых.

— Могу, — сказал Грейвс. — Потому что я видел мальчика, которого нашли живым. Он пытался ударить меня заточенной щепой. У него на руках была чужая кровь. И он улыбался, когда говорил об этом.

Понятой перекрестился.

— Что будем делать? — спросил Бейли.

— Искать того, кто здесь жил. Он не мог уйти далеко — слишком тяжёлая обувь, слишком глубокие следы. Саймон?

Могильщик кивнул и вышел из мельницы. Через минуту он вернулся.

— Следы ведут к городу, — сказал он. — К северным воротам, потом на запад, к улице Беддингем-лейн.

— Там живёт пекарь, у которого работала Элли Хауард, — вспомнил Грейвс. — И там же — лавка травницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.